

M.E. Zharkoy, A.E. Kozlov, E.N. Kozlov

CRIMINAL AND LAW-BASED ASPECTS OF COMBATING BANDITRY IN POST-WAR LENINGRAD

Mikhail Zharkoy – Associate Professor, the Department of Theory of State and Law, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg; **e-mail: jarckoy@yandex.ru.**

Alexander Kozlov – Associate Professor, the Department of Criminal Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, PhD in Law, Gatchina; **e-mail: aekozlov1@yandex.ru.**

Evgeniy Kozlov – Associate Professor, the Department of Criminal Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, Gatchina; **e-mail: kozlova@umc-spb.ru.**

By the early 1950's local militia (police) units in cooperation with other law enforcement authorities have managed to liquidate the most sizeable and dangerous gangs. The success has been achieved due to creation of strong operative entries within criminal environment, systematic strengthening the prosecution, enhancing the system of criminal repressions and justice responses to organised crime. Together with implementation of administrative enforcement measures along with police units law enforcement relevant activities the crime was ousted from the streets to domestic sphere. Thus, in post-war Leningrad and Leningrad region the protection of citizens' rights foremost the right to live, human dignity, the right to housing, property etc. was ensured.

Strong protection of the foregoing rights contributed to and promoted a further strengthening of law and order in the region which in turn instilled a local sense of confidence and belief of citizens into effectiveness of state power and law.

The article focuses on crime, law-based and criminology related aspects of combating banditry in Leningrad and Leningrad region during the first post-war period. In the framework of historical parallel the author demonstrates a serious social danger of such kind of criminal activity which is still a threat to national interests and security.

Keywords: *banditry; criminal consequences of war; crime determinants; organized crime; militia; operational-investigative activities; crime repression; economic security; rights and freedoms of citizens.*

М.Э. Жаркой, А.Е. Козлов, Е.Н. Козлов

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С БАНДИТИЗМОМ В ПОСЛЕВОЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Михаил Эмильевич Жаркой – доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, кандидат исторических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: jarckoy@yandex.ru.**

Александр Евгеньевич Козлов – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: aekozlov1@yandex.ru.**

Евгений Николаевич Козлов – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; **e-mail: kozlova@umc-spb.ru.**

К началу 1950-х гг. милиции в процессе взаимодействия с другими правоохранительными органами удалось ликвидировать наиболее крупные и опасные банды. Добиться успеха органам внутренних дел удалось благодаря созданию прочных оперативных позиций в криминальной среде, систематическому укреплению системы преследования уголовных элементов и усилению уголовной репрессии путем создания

законодателем прочной правовой основы борьбы с организованной преступностью. В совокупности с реализацией мер административного принуждения и деятельности милиции по применению административного законодательства уголовная преступность была изгнана с улиц в бытовую сферу, и тем самым была обеспечена защита прав граждан в послевоенном Ленинграде и области и, прежде всего, права на жизнь, достоинство, жилище, имущество и т.д. С другой стороны, надежная защита перечисленных прав граждан способствовала упрочению законности и правопорядка в регионе, что сформировало у населения чувство уверенности в действенности власти и закона.

В работе рассматриваются уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с бандитизмом в Ленинграде и области в первые послевоенные годы. В рамках исторической параллели авторы показывают социальную опасность данного вида преступной деятельности, по-прежнему угрожающего национальным устоям государства.

Ключевые слова: бандитизм; криминологические последствия войны; детерминанты преступности; организованная преступность; милиция; оперативно-розыскная деятельность; уголовная репрессия; экономическая безопасность; права и свободы граждан.

Милиция Ленинграда и области в послевоенное время, в частности, такие ее структурные подразделения, как отдел по борьбе с бандитизмом¹ и уголовный розыск вели борьбу с одной из разновидностей организованной преступности, такой как воровско-грабительские банды, шайки и группы. Особенностью бандитизма как одного из видов преступной деятельности является организованность и вооруженность. Уголовное законодательство (ст. 59³ УК РСФСР) понимало бандитизм как организацию вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановки поездов и разрушение железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи и предусматривало наказание в виде лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества.

Бандитизм в первые послевоенные годы имел как объективные, так и субъективные причины. К объективным относились последствия минувшей войны, разруха, острая нехватка продуктов питания, массовая миграция населения. Субъективными причинами выступали связанное с войной ослабление воспитательной работы среди населения, психологическая готовность людей держать оружие и применять его. На территории Ленинградской области оставалось немало оружия, которое подбиралось и использовалось в преступных целях. Исследование, проведенное петербургским историком В.А. Самариним, показало, что среди детерминант послевоенного бандитизма можно назвать экономические, демографические и психологические последствия Великой Отечественной войны [23].

Зачастую банды возглавлялись явными фашистскими пособниками, бывшими полициями, а также уголовниками-рецидивистами. Оставшись после изгнания немецко-фашистских захватчиков без каких-либо средств к существованию, дезертиры, предатели, лица, уклонявшиеся от трудовой повинности, объединялись в группы и шайки и занимались разбоями и грабежами среди населения. На воровских сходках, особенно после издания указов от 4 июня 1947 г., они высказывали следующее: «После этого указа ворам придется ходить на кражи с оружием, в случае преследования убивать, все равно срок получать, а может, удастся скрыться», «Ворам нужно организовываться в группы...» и т.п. [16, с. 279].

Важно отметить, что уголовный бандитизм, совершая тяжкие преступления, не ставил политических целей. Поэтому нельзя согласиться с мнением В.А. Самарина о

¹ Был создан приказом НКВД СССР от 30 сентября 1941 г.

том, что «участие в уголовной преступности для части людей являлось своеобразным, осознанным протестом против существующих в стране порядков» [23, с. 55]. Здесь автор явно солидаризируется с ярким антисоветчиком Р. Редлихом [22]. Несостоятельность этого утверждения подтверждает и криминологический анализ данного вида преступности, проведенный самим ученым. Так, по его данным, бандитизмом в Ленинграде в основном занимались мужчины (более 88%), которые в большинстве являлись молодыми людьми (в возрасте от 19 до 21 года – 34,7%, от 22 до 25 лет – 20,4%, 26 лет и старше – 21,8%). Однако, если в 1946–1947 гг. происходил рост количества преступников старших возрастов (до 33,3% в 1946 г.), то по мере успехов в восстановлении народного хозяйства, усилении уголовной репрессии преступность значительно омолаживается (в 1950 г. преобладает возрастная группа 19–21 лет – 38,9%). Необходимо отметить, что лица, осужденные за бандитизм, по своему социальному происхождению являлись в основном выходцами из рабочей среды. Они составляли 53,7%. На втором месте среди участников бандитских формирований стояли выходцы из крестьян – 34%. С социальным происхождением тесно связан и род занятий осужденных. Как показал анализ архивных материалов, на первом месте среди осужденных стояли лица рабочих профессий – около 62%. В основном это были люди с крайне низким образовательным уровнем и не менее низкой профессиональной квалификацией (около 77% имели лишь низшее образование – до 7 классов). Их количество осужденных за бандитизм в 1949 г. достигло 81,1% (30 чел.). Довольно многочисленную группу среди преступников составляли лица без определенных занятий – более 23%. Наибольший процент осужденных данной категории закономерно падает на 1946–1947 гг. Подавляющее большинство осужденных составляли беспартийные, что объяснимо, прежде всего, тем, что в партию принимали самых достойных представителей советского общества. Большинство бандитов являлись холостыми людьми. Но наиболее интересным является факт отсутствия судимостей у 65,3% участников банд. Только 9,5% (14 чел.) имели две и более судимости. Среди осужденных за бандитизм не было людей, которых до этого уже репрессировали за бандитизм. Это объясняется тем, что на данную категорию преступлений амнистии не распространялись и в отношении активных членов банд, как правило, применялась высшая мера социальной защиты. Кроме того, следует иметь в виду и позитивные последствия массовых репрессивных операций против данной категории преступников, проведенных в 1937–1938 гг. Нельзя не отметить, что лица, не прошедшие фронт, составляли 71,1% (103 чел.). Таким образом, за период с 1946 по 1950 гг. Ленинградским городским судом было рассмотрено 37 дел по обвинению в бандитизме, по которым было осуждено 147 чел. [23, с. 58–80]. Если в 1 квартале 1945 г. в Ленинграде и области было раскрыто 7 преступлений, квалифицируемых как бандитизм, по которым было арестовано 21 чел. [8], то уже в 1946 г. было выявлено 19 случаев бандитизма, по которым привлечено к ответственности 57 человек, и 173 разбойных нападения, из которых раскрыто было 153, или 88,4% (подсчитано на основе [6]).

Основные направления деятельности милиции по борьбе с бандитизмом были определены в Директиве МВД СССР от 3 декабря 1946 г. № 286. В ней требовалось решительно улучшить работу УББ-ОББ и использовать все имеющиеся силы и средства для ликвидации бандитизма и других форм преступности. Документ предписывал взять на учет по линии оперативных аппаратов УББ-ОББ все имеющиеся материалы на действующие банды и принять конкретные меры для их ликвидации. Особое внимание обращалось на агентурную разработку освободившихся преступников, пресечение их возможности вернуться к преступной деятельности. При возникновении необходимости УББ-ОББ разрешалось привлекать сотрудников любых подразделений МВД для ликвидации бандитских групп. Важное значение для разделения специализации работы аппаратов ОББ и уголовного розыска имела Директива МВД

СССР от 27 марта 1947 г., согласно которой отделы по борьбе с бандитизмом сосредотачивали свои усилия на предупреждении, розыске и ликвидации преступников, совершивших бандитские деяния и другие, наиболее опасные преступления, подлежащие квалификации по признакам преступления, предусмотренного ст. 59³ УК РСФСР. В юрисдикции уголовного розыска оставались разбой, грабежи и связанные с ними убийства. Интерес представляет и циркуляр УМВД ЛО от 7 июля 1947 г. № 68, касающийся вопросов улучшения оперативно-розыскной деятельности. Помимо действительно важных указаний, связанных с активизацией агентурной работы, совершенствованием форм и методов ее проведения, организации ведомственного взаимодействия и т.д. некоторые распоряжения в документе ставили перед милицией ирреальные задачи, формулировавшиеся исходя из программных, перспективных задач, например, «полностью ликвидировать уголовное подполье». Следствием этого являлось искажение целей и социального смысла правоохранительной деятельности: задачи, ставившиеся перед милицией, формы, методы и средства их достижения покоились подчас на отрицании прав человека и гражданина в угоду интересам государства или, как минимум, на вольном отношении к их соблюдению.

Серьезной проблемой оставалось отсутствие должной организации взаимодействия между аппаратом УМВД ЛО и территориальными подразделениями милиции города и области. Перед начальником ОББ УМВД ЛО полковником Киселевым была поставлена задача организовать практическую помощь начальникам районных и городских отделов МВД по всем направлениям работы, повысить контроль за их работой по линии борьбы с бандитизмом.

Наиболее активно бандитские группы действовали в Ленинграде с конца 1945 г. до начала 1948 г. Как показывает изучение архивных данных, к концу 1947 г. были ликвидированы наиболее многочисленные и опасные из них. В итоге за три квартала 1949г. в Ленинграде было зарегистрировано и раскрыто всего 6 бандитских группировок, а в Ленинградской области – 9, из которых, правда, раскрыто было только 2 [9]. В 1950 г. УУС из 6 зарегистрированных случаев бандитизма были раскрыты все, одно преступление этого вида было предупреждено [36], к ответственности было привлечено 17 чел. (подсчитано на основе [4]), а всего предупреждено 42 и пресечено 441 преступление [36], совершено 87 разбойных нападений, к ответственности привлечено 140 чел. (подсчитано на основе [3]). Естественно, действия подобных групп вызвали широкий общественный резонанс в городе. О претензиях к правоохранительным органам свидетельствуют материалы протоколов заседаний бюро горкома партии, куда поступало значительное количество заявлений и жалоб ленинградцев [20].

С помощью общественности органы милиции организовывали изъятие оружия у населения. Это позволяло существенно укрепить правопорядок и общественную безопасность, предотвратить многие разбойные нападения. Еще в апреле 1944 г. в директиве НКВД СССР обращалось внимание на необходимость противодействия попадания бесхозного оружия к преступникам. Во исполнение ее УНКВД ЛО были приняты меры по повышению надежности охраны оружейных складов, и начата работа по изъятию оружия у населения. В результате проведенных мероприятий на 1 апреля 1944 г. в регионе было собрано и изъято у населения: 8357 пулеметов; 11440 автоматов; 257791 винтовок; 56023 револьвера и пистолета; 160490 гранат [18, с. 201]. Директивой НКВД СССР от 28 ноября 1945 г. к работе милиции по выявлению лиц, незаконно хранивших оружие, были подключены отделы борьбы с бандитизмом. Только за 1 квартал 1946 г. у преступников было изъято 4 автомата, 3 винтовки, 129 пистолетов и 5 ручных гранат [24, с. 306]. Но только с получением директивы МВД СССР от 1 апреля 1946 г. была усилена агентурная работа по изъятию оружия. В результате в течение 1946 г. было изъято: пистолетов – 1324, винтовок – 49, малокалиберных винтовок – 66,

автоматов – 47, гранат – 32, патронов – 42276, холодного оружия – 478; одновременно проводилась работа по изъятию оружия с заводов и фабрик города. Так, за этот же период было обнаружено винтовок – 174, автоматов – 14, гранат – 952, пулеметов – 38, патронов – 18786. За январь–март 1947 г. было обнаружено и изъято: пистолетов – 341; малокалиберных винтовок – 28; охотничьих ружей – 24; патронов – 3806 и 106 единиц холодного оружия [2]. Только за 2 месяца 1949 г. (март–апрель) было изъято 14 автоматов, 64 винтовки, 144 пистолета, 41 охотничье ружье, 165 единиц холодного оружия. За незаконное хранение оружия привлечено к уголовной ответственности 40 человек (подсчитано на основе [33]).

Во избежание больших потерь руководство ленинградского уголовного розыска поручало ликвидацию бандитских формирований опытным оперативным сотрудникам. Одним из них был Н.М. Виноградов, который возглавлял отдел по борьбе с бандитизмом во время блокады Ленинграда и провел 170 операций с группой оперативных работников. В начале июля 1945 г. поступило сообщение, что в пос. Всеволожск убита прораб торфоразработок Дружникова. Н.М. Виноградов лично выехал на место преступления. В ходе проведения оперативных мероприятий сотрудники милиции вышли на гр. С., пользующуюся сомнительной репутацией. На ее квартире и были задержаны бандиты Мордвинов (Смелов) и Кладштейн (Блохин). При обыске у них был изъят паспорт на имя убитой, 12 золотых колец, 7 бриллиантов и 250 тыс. руб. Под сиденьем их автомобиля было обнаружено 12 гранат, ящик патронов и несколько наборов серебряных ложек [25, с. 175].

В сентябре 1945 г. была обезврежена преступная группа, в состав которой входили дезертир Блинов и военнослужащий комендатуры армейского поезда № 10 Чернов, которые совершили два разбойных убийства [30]. В октябре 1945 г. была вскрыта и ликвидирована группа бандитов-налетчиков в составе четырех человек во главе с Богдановым. Бандиты совершили разбойное нападение на заведующего пивной Г. и похитили 12,5 тыс. руб. [7] В январе 1946 г. была обезврежена банда, организованная вышедшими из мест лишения свободы по амнистии Голубевым, Лепневым и военнослужащими одной из частей. Бандиты совершили разбойный налет на магазин «Пограничник», где убили сторожа. Похитили 60 тыс. руб. Среди преступных эпизодов на счету этой банды было убийство милиционера, ограбление магазина в Красногвардейском районе, попытка вооруженного налета на склад ВМА с ранением часового, кражи и другие преступления. В ходе проведенных оперативно-розыскных мероприятий было установлено 26 сообщников, изъяты огнестрельное оружие и ворованные вещи на сумму 30 тыс. руб. [31].

Другим характерным примером является ликвидация банды, организованной бывшим сотрудником немецкой полиции Е. Волковым, состоявшей из дезертиров и других социально-вредных элементов. В период с ноября 1945 г. по февраль 1946 г. эта группа совершила 31 нападение на граждан, сопровождающиеся побоями и ограблением, а в 7 случаях – убийством потерпевших, в том числе двух милиционеров. В подъезде одного из домов на Васильевском острове преступники попытались ограбить женщину. Но на шум из квартиры выбежал офицер Мещеряков, который в ходе схватки был застрелен Волковым. Прибывший наряд милиции задержал членов бандгруппы. У бандитов было изъято огнестрельное оружие, патроны, ножи. Награбленное имущество и ценности они сбывали на рынках и скупочных пунктах города. Все преступники были осуждены на сроки от 5 до 10 лет, а Волков и Смирнов – расстреляны. Один из участников группы – Л. Ефремов, отбыв в колонии 14 лет, проявил себя вновь уже в 1960-е гг., организовав два поджога в колхозе, где работал после освобождения [23, с. 117].

Особый интерес представляет бандгруппа братьев Глаз. Эта группа фактически стала приобретать черты организованного преступного сообщества. В марте 1946 г. под руководством В.И. Болдырева была разработана операция по ее разгрому. Банду

возглавляли братья Исаак и Илья Глаз, она насчитывала 28 человек и имела на вооружении 2 автомата «Шмайсер», 6 пистолетов «ТТ», 18 гранат, а также легковую и грузовую автомашины [25, с. 180]. На легковом автомобиле бандиты проводили разведку мест будущих преступлений и путей отхода. В зону действия этой преступной группировки входили Невский, Калининский, Московский и Кировский районы города. За короткое время (с осени 1945 г. по март 1946 г.) банда совершила 18 ограблений, применяя распространенную в то время тактику ночных налетов. Таким образом, налицо два важнейших признака организованной преступности: наличие объединения для систематического занятия преступлениями и второй – экономический признак, систематическое нарушение закона преследовало главную цель – обогащение, накопление первичного капитала. Однако отличительной чертой деятельности банды братьев Глаз являлось то, что в отличие от других бандитских формирований этого периода ее главарям удалось установить тесные отношения с некоторыми влиятельными работниками государственного аппарата Ленинграда и области, а для их подкупа бандиты выделили даже специальный фонд в размере 60 тыс. руб. [13, с. 239]. Последнее обстоятельство свидетельствует о тревожном симптоме в эволюции профессиональной преступности в России – появление ее новых форм, в частности организованной преступности. Именно коррупционные связи являются характерными признаками современной организованной преступности. В случаи братьев Глаз размах их деятельности в сфере создания системы сбыта награбленного охватывал рынки Харькова и Ростова. Сотрудниками уголовного розыска были организованы засады в местах вероятного совершения очередных ограблений. В результате при нападении на магазин на Волковском проспекте преступники были блокированы и арестованы. Операция была проведена так, что ни единого выстрела не прозвучало [12]. В 28 квартирах у родных и знакомых преступников было изъято 150 рулонов шерстяных тканей, 28 рулонов сукна, 46 рулонов шелковой ткани, 732 головных платка и 85 тыс. руб. [17, с. 6].

Наиболее опасной бандитской группой, действующей в Ленинграде в декабре 1946 г., была банда во главе с В. Виноградовым. Она состояла из 9 чел. и имела на вооружении огнестрельное оружие. Активное звено группы включало в себя 4 чел., которые и совершали нападения, убийства, грабежи и кражи. Остальные соучастники сбывали похищенные вещи и укрывали преступников. Только за один месяц бандой было совершено два вооруженных налета с убийством, три ограбления квартир и четыре кражи [23, с. 119].

В 1947 г. в Ленинграде была арестована преступная группа супругов П., занимавшихся каннибализмом. Этот особый вид преступлений – людоедство и некрофагия – появился в годы блокады. Попытки всестороннего анализа этой тягчайшей категории преступлений учеными уже предпринимались [14]. Первые факты трупоедства были официально отмечены в третьей декаде ноября 1941 г. Уже в сводке УНКВД ЛО от 3 декабря 1941 г. указывалось на 9 преступлений, в сводке от 24 декабря – 13, в январе–мае 1942 г. за употребление в пищу трупов было задержано 2003 чел. (подсчитано на основе [38]). С лета 1942 г. отмечается неуклонное снижение числа лиц, обвиняющихся в каннибализме и трупоедстве, в июле таковых было 15 чел., а к весне 1943 г. случаи людоедства перестали отмечаться. По данным С.В. Ярова, криминологическая характеристика лиц, преданных суду за совершение указанных преступлений, характеризуется следующими данными: по полу: мужчин – 322 чел. (36,5%); женщин – 564 чел. (63,5%); по возрасту: от 16 до 20 лет – 192 чел. (21,6%); от 20 до 30 лет – 204 (23%); от 30 до 40 лет – 235 (26,4%); старше 40 лет – 255 (29%). По партийности: членов и кандидатов в члены ВКП(б) – 11 чел. (1,24%); членов ВЛКСМ – 4 (0,4%); беспартийных – 871 (98,51%). По роду занятий: рабочих – 363 (41%); служащих – 40 (4,5%); крестьян – 6 (0,7%); безработных – 202 (22,4%); лиц БОМЖ – 275 (31,4%). Причем из 886 чел., привлеченных к уголовной ответственности, только 18

чел., т.е. 2%, имели в прошлом судимость [32, с. 165–166].

Руководствуясь тем, что по своему характеру эти преступления являются особо опасными против порядка управления, прокуратура Ленинграда квалифицировала их по аналогии с бандитизмом (ст.16-59³ УК РСФСР). В ходе расследования дела было установлено, что в период 1942–1947 гг. они убили и съели 14 чел., в том числе и некоторых своих родственников. Основная масса убитых пришлась на 1942–1943 гг. и лишь в начале 1947 г. супруги П. вернулись к людоедству.

В течение 1947 г. ОББ УМВД ЛО удалось обезвредить ряд достаточно крупных бандитских формирований. Так, в апреле ОББ ликвидировал банду В. Глазунова. В состав этой группы входило 3 чел., в том числе милиционер 2 дивизиона ЛГМ Т. Местом действия банда избрала пригородные районы Ленинграда. Используя грузовую автомашину, преступники совершали хищение скота, вооруженный налет на столовую и квартирные кражи. В мае была обезврежена бандитская группа во главе с Ю. Беляковым, состоящая из 6 чел. Имея автомашину, преступники совершили в апреле–мае 7 вооруженных налетов на буфеты и рестораны. Летом была ликвидирована банда под руководством Л. Разметова. В банду входило 15 чел., в течение 1946–1947 гг. на территории Ленинграда и в некоторых районах Ленинградской области преступники совершили 14 вооруженных налетов на граждан и государственные учреждения и предприятия и свыше 20 квартирных краж. Осенью 1947 г. ОББ вскрыл и обезвредил две бандитские группы, совершавшие разбойные нападения на шоферов. Всего в течение 1947 г. органами милиции Ленинграда была пресечена деятельность 12 банд и бандитов-одиночек, к уголовной ответственности привлечено 53 преступника и их сообщника. Бандитами было совершено 8 убийств, 8 разбойных нападения, 29 грабежей, 11 краж и 4 изнасилования. В 1948 г. ленинградской милицией было выявлено и обезврежено 7 бандгрупп, за участие в которых к уголовной ответственности был привлечен 41 чел. За год преступники совершили 3 убийства, 3 разбойных нападения, 10 грабежей, 3 кражи и 12 изнасилований [23, с. 120–125]. В 1949 г. количество бандитских групп вновь стало расти. Так, в январе милицией была ликвидирована шайка преступников, состоявшая из 5 чел., которая осуществила вооруженное нападение на конвой, охранявший их сообщников [1]. В начале года была обезврежена еще одна вооруженная банда из 7 чел., на счету которой было 55 ограблений. Всего за 1949 г. было раскрыто 10 бандитских формирований и привлечено к уголовной ответственности 47 чел. В течение года бандиты совершили 4 убийства, 6 разбойных нападений, 17 грабежей, 6 краж и 2 изнасилования [23, с. 128]. В начале августа 1950г. сотрудниками 1 отдела УУР УМГБ ЛО в результате сочетания оперативно-розыскных и следственных мероприятий была ликвидирована банда в составе 6 чел., возглавляемая Е. Свирским и В. Горячевым. Бандой было совершено несколько разбойных нападений на территории Ленинграда и области [34]. В результате кропотливой работы органов милиции за 1950 г. было раскрыто и ликвидировано 7 банд, к уголовной ответственности по делам данной категории было привлечено 26 преступников и их сообщников. За этот год бандитами было совершено 2 убийства, 8 разбойных нападений, 7 вооруженных грабежей и 3 кражи [23, с. 130]. В 1953 г. было зарегистрировано 6 эпизодов бандитизма, раскрыто – 5. Однако, как сказано в справке, подписанной и.о. прокурора Ленинграда ст. советника юстиции Солнышкина, все 6 случаев не являются бандитизмом в точном смысле этого слова, т.е. преступники не были организованы в вооруженные банды с целью нападения на советские учреждения и советских граждан [26].

Таким образом, к началу 1950-х гг. милиции во взаимодействии с другими правоохранительными органами удалось ликвидировать наиболее крупные и опасные банды. Добиться успеха органам внутренних дел удалось, во-первых, благодаря созданию прочных оперативных позиций в криминальной среде, во-вторых, систематическому укреплению системы преследования уголовных элементов и, в-

третьих, усилению уголовной репрессии путем создания законодателем прочной правовой основы борьбы с организованной преступностью. В совокупности с реализацией мер административного принуждения и деятельности милиции по применению административного законодательства уголовная преступность была изгнана с улиц в бытовую сферу и тем самым была обеспечена защита прав граждан, населения города и области и, прежде всего, права на жизнь, достоинство, жилище, имущество и т.д. С другой стороны, надежная защита перечисленных прав граждан способствовала в немалой степени упрочению законности и правопорядка в регионе, формировала у населения чувство уверенности в действенности власти и закона.

Однако рецидивы бандитизма как особо опасного вида организованной преступности продолжали время от времени появляться. Так, 13 февраля 1952 г. около двух часов ночи было совершено ограбление кинотеатра «Норд». Тяжело ранив сторожа и сотрудника кинотеатра, преступники похитили из несгораемого шкафа 25356 руб. В ходе розыска бандиты были обнаружены, задержаны и привлечены к уголовной ответственности по ст. 59³ УК РСФСР и ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. [35, с. 154–159].

В январе–феврале 1955 г. было совершено всего около 20 вооруженных ограблений граждан. Органами милиции была разоблачена преступная группа, главарем которой являлся Б.А. Соболев. В состав его шайки входило 7 чел. Ими была совершена серия дерзких преступлений [37]. Благодаря усилиям органов внутренних дел, оперативная обстановка в городе и области в 1955 г. значительно улучшилась. В этом году было предупреждено 111 уголовных преступлений, в том числе убийств – 6, грабежей – 7, краж личного имущества – 98 [10].

К 1956 г. бандитизм на всей территории СССР значительно сократился. Так, если в 1953 г. был 361 факт, в 1955 – 87, то за 11 месяцев 1956 г. – 91 [5], из которых в Ленинграде было зарегистрировано 15, а раскрыто – 12. По этим делам было привлечено к ответственности 60 чел., разбойных нападений совершено 518, раскрыто 437, а привлечено к уголовной ответственности 618 преступников [5]. Важно отметить и тот факт, что бандитизм в Ленинграде не прекращался и после 1956 г. Известно, что разбойные нападения в городе были и летом 1958 г. [25, с. 204]. Сам термин «ликвидация бандитизма» носил в основном пропагандистский характер, означал ликвидацию наиболее устойчивых, организованных и вооруженных преступных групп.

Политическая установка на скорейшее преодоление последствий войны находила свое отражение в правовой сфере. Квалифицирующие признаки бандитизма и разбоя были весьма размытыми. Правда, санкция ст. 59³, являясь относительно определенной, устанавливала лишь нижнюю минимальную границу неблагоприятных последствий для правонарушителя – не ниже 3 лет лишения свободы (верхняя граница была установлена ст. 28 УК и Указами от 4 июня 1947 г. в 25 лет лишения свободы). Что касается разбоя, то чч. 2 и 3 ст. 167 УК предусматривали санкции в виде лишения свободы до 10 лет, а при вооруженном разбое при особо отягчающих обстоятельствах (как и за бандитизм) – высшую меру социальной защиты [28]. Кроме этого, нивелированию различий в квалифицирующих признаках этих преступных деяний в известной мере способствовали и Указы от 4 июня 1947 г., в чем, собственно, и выражалась их репрессивная сущность. Отсутствие четких уголовно-правовых квалифицирующих признаков позволяло преступные проявления подобного рода переqualифицировать, но с принятием в декабре 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и утверждением в октябре 1960 г. Уголовного кодекса РСФСР бандитизм и разбой получили четкую правовую дефиницию (ст. 77, 91 и 146) [29].

В результате мероприятий, проводимых уголовным розыском совместно с другими службами милиции и органами внутренних дел, по уголовному бандитизму был нанесен сокрушительный удар, после которого еще оставшиеся нераскрытыми воровско-грабительские шайки и группы стали распадаться и прекратили свое

существование. Следствием напряженных социальных ситуаций, экономических и иных катаклизмов, которые происходили, происходят и будут происходить в обществе и всегда взаимосвязаны, является рост преступности. Воровско-грабительские банды исследуемого периода – это прообраз того, что мы называем организованной преступностью в наше время.

Сегодня в отечественной криминологии прочно утвердилось понятие «групповая преступность». Тем не менее, пока не выработано универсального ее определения. Например, в США в одной из многих дефиниций организованная преступность рассматривается как ассоциация, стремящаяся действовать вне контроля американского народа и его правительства, или же как тип замаскированной преступности, иногда включающий иерархическую координацию ряда лиц, связанную с планированием и использованием незаконных актов или преследованием цели незаконным способом. В Великобритании сущность понятия «организованная преступность» сводится к действию преступных групп, занимающихся определенными видами преступлений [21, с. 257–258]. Некоторые западные криминологи считают, что «организованная преступность является постоянно действующим предприятием, рационально работающим для получения прибыли путем незаконной деятельности» [11, с. 4]. Исходя из международного опыта, а также проводимых в России исследований организованной преступности, А.И. Гуров считал, что под ней следует понимать «функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции»² [11]. Конечно, если подходить к явлению организованной преступности только через понятия устойчивых групп преступников со свойственной им иерархией, планированием преступлений и т.д., то можно считать ее существование с незапамятных времен. Тем не менее, криминологическая характеристика абсолютного большинства преступлений, квалифицируемых как бандитизм в 1940–1950-х гг., позволяет говорить лишь о профессиональной преступности и отдельных элементах организованной. Дело в том, что не существовало, да и не могло существовать главного – экономической базы преступности, накопления капитала путем осуществления противозаконных операций с целью извлечения прибыли, не было влияния преступных групп на государственную политику, органы власти и государственного управления. Наконец, нельзя не учитывать, что в жестких условиях авторитарно-мобилизационной системы СССР не могли возникнуть, а главное длительное время успешно функционировать и развиваться уголовные организации, а тем паче оказывать какое-либо влияние на политику. Таким образом, с усиленно насаждаемым сегодня в общественное сознание мнением о том, что организованная преступность в СССР была всегда, согласиться трудно, ибо это явление, как мы видим, имеет специфические причины и присущие ей признаки.

Таким образом, оперативные аппараты МВД СССР по борьбе с бандитизмом были предшественниками оперативных подразделений системы борьбы с организованной преступностью МВД России в 1990-е гг. В опыте выявления и ликвидации бандитизма нашли отражение многие организационно-тактические решения оперативных аппаратов, рассчитанные на преступные формирования, хорошо организованные, защищенные и руководимые разными центрами с политической, националистической, экономической и уголовной «окраской». Эти специальные подразделения – ОББ – вели глубокую разведывательную работу в преступной среде, имели опыт воссоздания по отдельным, иногда обрывочным сведениям картины преступной деятельности глубоко

² Данное определение было зафиксировано в документах Международной конференции ООН по проблемам организованной преступности, проходившей в Суздале в октябре 1991 г., в организации и проведении которой непосредственное участие принимал А.И. Гуров.

законспирированных бандгрупп. В этой работе в послевоенное время применялись: привлечение к негласному сотрудничеству лиц, причастных к преступной деятельности; переориентация членов банд; внедрение в их среду оперативных работников; создание ложных бандформирований с выходом на контакты с главарями действующих банд для выяснения их целей и получения информации для их ликвидации; выяснение вооруженности, мест дислокации, численности, резервов, пособников, баз, способов, связей и маскировки, связи с сотрудниками милиции-предателями. Для деятельности этих аппаратов была характерна тактика глубокой разведки преступной среды, решительное нанесение оперативных ударов по базам и местам дислокации бандгрупп, изъятие оружия и боеприпасов, компрометация организаторов и переориентация вовлекаемых в преступную деятельность граждан [27, с. 18–19].

Главным историческим уроком, вытекающим из особенностей деятельности милиции по борьбе с бандитизмом, является необходимость использования на нынешнем этапе борьбы с организованной преступностью нетрадиционных методов. Учитывая современные боевые и финансовые возможности организованных преступных формирований, речь может идти только о разгроме, начиная с наиболее структурно развитых групп и сообществ, разгроме, прежде всего, путем боевого соприкосновения, в том числе с уничтожением наиболее активных преступников на стадии совершения преступлений. Остальные почувствуют силу государственной власти и либо сойдут на нет перед реальным страхом устранения, либо в итоге будут арестованы. Совершенно ясно, что такие «нетрадиционные» методы предполагают внесудебную репрессивность, но, как считает профессор С.Ф. Милюков, она будет законна, если преступник дает вооруженный отпор представителям власти [19, с. 2]. Он ставит себя вне закона и поэтому должен быть обезврежен или уничтожен. Ярким примером такого подхода к борьбе с преступностью является государственная политика Израиля по отношению к терроризму. Аналогичный позитивный подход в последнее время прослеживается и во взглядах руководителей Российской Федерации, в частности во время ликвидации теракта в Москве в октябре 2002 г. и Беслане в сентябре 2004 г. Настоящая демократия нуждается в защите и порядке больше, чем любой другой политический режим, который в состоянии защитить себя сам. Государство, которое с этим не считается, ждет жестокая кровавая диктатура. Диктатура криминала.

Социальный облик сегодняшнего бандита значительно отличается от его пращура – образа 1940–1950-х гг. Он стал, с позволения сказать, более привлекательным. Но за спинами отдельных политиков, бизнесменов, меценатов, помощников, референтов и прочих проглядывает, как черт сквозь дымовую завесу ладана, проявляется все тот же звериный оскал «братьев Глаз». Хищническая сущность бандитизма не изменилась. Он по-прежнему угрожает национальной безопасности государства. Оно же не должно проявлять бессилия, а обязано принимать активные действия в рамках того правового поля, которое вменяет ему в обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Практика борьбы с бандитизмом в послевоенном Ленинграде с новой силой подтвердила представление о государстве как, подчеркиваем, всеобъемлющей политической власти, единой организации общества, располагающей всеми необходимыми «придатками» для утверждения прежде всего своего диктата в целях обеспечения интересов общества и каждого индивида в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 38.
2. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 31.
3. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 26. Л. 14.

4. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 26. Л. 41–51.
5. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 65. Л. 43.
6. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 8.
7. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 122. Л. 831.
8. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
9. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 237. Л. 106.
10. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 319. Л. 222.
11. *Гуров А.И.* Организованная преступность и меры борьбы с ней // Криминология. М., 1997. С. 258.
12. *Жаркой М.Э.* О некоторых аспектах взаимодействия правоохранительных органов Ленинграда при проведении операций по ликвидации бандгрупп в конце 1940 – начале 1950 гг. // Социально-правовые и психологические основы деятельности ОВД и ВВ МВД России: проблемы теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 6. СПб., 1997.
13. *Иванов В.А.* «Скорпионы» коррупции в послевоенном Ленинграде // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.
14. *Иванов В.А.* Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х-40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997; *Панфилец А.В.* Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 г. – январь 1944 г.): дис...канд. ист. наук. СПб., 2000.
15. Криминология. М., 1997.
16. *Кузьмин С.* Волки преступного мира // Молодая гвардия. 1995. № 7.
17. Ленинградская милиция. 1988. 1 октября.
18. *Малыгин А.Я., Яковлева Е.И.* Из народа и для народа. М., 1988.
19. *Милюков С.* Демократия – это порядок // Криминальный вестник. 1996. № 22.
20. Приказы № 196 от 17.10.45 г., № 301 от 02.12.46 г., № 58 от 25.05.49 г., № 83 от 27.07.49 г.
21. Проблемы преступности за рубежом // Организованная преступность. Специальный выпуск: сб. публикаций. М., 1988.
22. *Редлих Р.* Сталинщина как духовный феномен. Франкфурт-на-Майне, 1971.
23. *Самарин В.А.* Борьба с бандитизмом в Ленинграде во второй половине 40-х гг.: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
24. *Скилягин А. [и др.]*. Дела и люди ленинградской милиции. Л., 1967.
25. *Скрябин М.Е., Савченко И.К.* Непримируемость. Л., 1988.
26. Судебно-оперативная фотография помогла исправить ошибку дознавателя при составлении протокола осмотра // Следственная практика. Вып. 14. М., 1953.
27. *Сурков К.В., Кваша Ю.Ф.* Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: курс лекций. Общая часть. Введение в курс ОРД. СПб., 1998.
28. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1952.
29. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1961
30. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 149. Л. 30.
31. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 186. Л. 2.
32. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 276. Л. 2.
33. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 144. Л. 225.
34. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 69. Д. 84. Л. 37–38.
35. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 70. Д. 42. Л. 60.
36. ЦГАИПД СПб. Ф. 6294. Оп. 1. Д. 24. Л. 109.
37. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 73. Д. 48. Л. 18.
38. *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013. С. 163.